Философия практики сегодня

Category: Filosofiýa,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Философия практики сегодня ФИЛОСОФИЯ ПРАКТИКИ СЕГОДНЯ

С начала 1990-х гг., несмотря на несомненную деградацию общественной мысли, на постсоветском пространстве было опубликовано немало марксистских трудов первостепенной важности, ранее запертых в спецхране, поскольку они не отвечали контрреволюционным интересам правящей бюрократии. Объясняется это просто: классики марксистской мысли давно уже вошли в потребительский обиход западной академической тусовки, на вкусы которой ориентируются évolué[1] и издатели. Интересы революционной интеллигенции могут лишь до известной степени совпадать с интересами данной публики. Хрупкий консенсус заканчивается там, где марксизм, покидая уютные гетто эстетики и литературной критики, открыто заявляет о себе как о теории и практике революционного преобразования общества. Марксистская мысль – если только она имеет революционный характер, – никогда не станет популярной в современных ей профессорских кругах и не пополнит списки мировых бестселлеров. Только беззубым и теоретически убогим характером их трудов, обеспечившим им определенную популярность в академической тусовке, можно объяснить публикацию теоретических ничтожеств М. Хардта и А. Негри, А. Бадью или Дж. Агамбена, восторженно воспринятых псевдолевыми постмодернистскими интеллектуалами[2].

Теоретический и практический опыт марксистов периферии куда важнее маниловских рассуждений современных «левых профессоров» из престижных западных университетов. Латинская Америка – крайне важная часть этой периферии, имеющая долгую традицию радикальной освободительной мысли. Российской публике и история ее известна прежде всего в своих кульминационных точках: восстание А. Сандино, Кубинская и Никарагуанская революции, правление и свержение «Народного единства» в Чили и

т.п. Ограничивать изучение теории и практики латиноамериканского марксизма лишь пиковыми этапами его существования, однако, было бы большой ошибкой – хотя бы потому, что постсоветские левые находятся на совершенно другой стадии борьбы.

В предлагаемых интервью мы стремимся познакомить русскоязычного читателя с ярким представителем современного латиноамериканского марксизма – Нестором Коаном (р. 1967). Чем они ценны? В первую очередь тем, что демонстрируют богатство и разнообразие революционной марксистской латиноамериканской традиции. Они оказываются небесполезными и потому, что вопросы, волнующие Н. Коана (сохранение и распространение революционного марксизма в условиях социально-политической и интеллектуальной реакции), полностью актуальны и на постсоветском пространстве. Наконец, мы преследуем цель заполнить зияющую лакуну, возникшую из-за систематического и позорного игнорирования марксистской традиции стран «третьего мира».

Первое интервью («Философия практики», см. ниже) было опубликовано в известном аргентинском радикальном/марксистском журнале “La rosa blindada” в 2012 г. Оно посвящено рецепции «философии практики» в Латинской Америке, ее творческому развитию и практической ценности для мировой антикапиталистической борьбы.

Второе интервью было взято каталонским марксистом Сальвадором Лопесом Арналем по случаю выхода в свет в Испании книги «Наш Маркс», излагающей понимание Маркса и марксизма в рамках направления философии практики, к которому принадлежит сам Н. Коан.

Третье интервью – стенограмма 166-го выпуска венесуэльской телепередачи «Школа кадров» (“Escuela de cuadros”, 2015 г.), посвященного теории товарного фетишизма и ее значению в «Капитале» и других работах Маркса, а также взглядам на эту проблему в марксистской среде в целом. Ввиду специфики

разговорного формата стенограмма приводится в сокращенном варианте для удобства восприятия.

***

La rosa blindada: Каким вы видите современный мир? Существует ли реальная альтернатива капитализму?

Н.К.: Ныне капиталистический рынок и американский образ жизни катастрофическим образом утвердились и распространились в планетарном масштабе. Несмотря на острый кризис (даже более острый, чем кризис 1929 года), затрагивающий самые недра капитализма, пропагандисты представляют последний в средствах коммуникации как единственно возможный образ жизни. В этом контексте становится более необходимым, чем когда-либо, вновь задуматься об альтернативе для угнетенных народов, для бунтующей молодежи, для рабочего класса, который сопротивляется во всем мире, но в особенности в Нашей Америке[3]. Лучшая альтернатива, наиболее жизнеспособная, желательная, значительная и, кроме того, наиболее целостная из всех – потому что не упускает ни одно общественное движение и объединяет все протестные действия в единый антикапиталистический спектр, – это марксистская теория и социалистический (коммунистический) политический проект. Это не единственная альтернатива, есть и другие, но в подавляющем большинстве они являются ограниченными, узконаправленными, близорукими бунтами, потому что обычно учитывают только один специфический тип господства, не охватывая капиталистическую систему целиком, как тотальность. Этим другим альтернативам, пусть и оправданным, и необходимым, недостает теоретического потенциала и масштабного, стратегического политического проекта для того, чтобы собрать воедино совокупность классов, слоев, сегментов и социальных движений угнетенных против тотальности капиталистической системы. Марксизм, напротив, не игнорируя и не отворачиваясь от них, интегрирует, включает их требования, позволяет сформулировать их радикальнее, масштабнее и глубже, на том уровне теоретической обоснованности, на который они не претендуют. Поэтому, думаю,

до сих пор не родилась теория такого уровня и такой критической и политической силы, как марксизм — понятый как философия практики, — которая, возможно, была бы способна заменить или превзойти его.

LRB: Что мы подразумеваем, когда говорим о философии практики?

Н.К.: Марксизм, понятый как философия практики, отсылает к политическому и историческому видению философии, то есть к пониманию мира и жизни, которое не ограничивается неким кругом текстов для университетского чтения или набором рецептов доктринерского характера со своим закрытым и замкнутым набором вопросов и ответов, дозволенных цитат и непререкаемых авторитетов (в основном европейских).

Марксистская философия практики исторически стремилась покончить с замкнутостью философии на себе, поставить ее на ноги, вырвать ее из удобного положения, где она дискутирует сама с собой, не «пачкаясь» о борьбу и социальные конфликты, приглашая ее к поиску коллективного социального и политического субъекта, который мог бы реализовать ее мечты, проекты и программы освобождения. Этим устремлением марксизм заслужил пренебрежение, сарказм и иронию со стороны профессоров философии и научного мира в целом, так как всегда оказывается неудобным, политически некорректным и крайне раздражающим. Если использовать простое и популярное выражение, марксизм всех достает. Он не укладывается в шаблоны университетского знания, в специализации и отрасли. Марксизм, понятый как философия практики, не является «философией» в строгом смысле слова, как и не является «экономикой», «социологией», «историей», «политической наукой» или «антропологией». Он не является ничем из этого в отдельности и в то же время является всем этим, превосходя каждую из этих застывших, сегментированных и разъединенных наук, превращенных в якобы автономные «дисциплины». Отвергая университетское разделение науки на не связанные друг с другом и изолированные «факторы», марксизм, понятый как философия практики, задевает и тревожит различные академические корпорации. Он не уважает

то, что является священным, и он становится надоедливым насекомым для всех, кто претендует на то, чтобы монополизировать знание в соответствии с нормами и ритуалами господствующей системы. Берясь за эту задачу, философия практики «приземляет» марксистскую философию, разрывая любую связь с традиционными метафизическими системами, которые так хорошо умещаются в университетские «уделы» («диалектический материализм» как учение в рамках философской дисциплины, «исторический материализм» как социологическое учение, «марксистская экономика» как совокупность законов, пригодных для экономической науки, и так далее).

В действительности марксизм как политический проект социалистической гегемонии, материалистическое понимание истории, философия практики и критическая теория капиталистического общества не подходит для раздробленных областей знания и не старается приспособиться к так называемым автономным дисциплинам, разобщенным, деполитизированным и деисториоризированным, мнимо универсальным (а на самом деле полностью пропитанным европоцентризмом во всем: в категориях, в объекте исследования, в непререкаемых «авторитетах» и т.д.).

В этом смысле концепция философии практики отмежевывается от традиционного понимания марксизма как универсальной «доктрины» без собственных корней, без конкретных отсылок к нашей истории, нашей традиции и нашей коллективной идентичности как народов, сражающихся с колониализмом, империализмом и капиталистическим господством.

LRB: Какую связь философия практики устанавливает между теорией и практикой?

Н.К.: Об этом много спорили. Об этом написаны сотни книг. Я бы рискнул провести две аналогии для того, чтобы ответить на этот вопрос в нетривиальной форме и не повторить общих мест.

(а) Какова связь между «большой теологией», которой всегда орудовали ватиканские интеллектуалы, и катехизисом приходского

священника периферийной страны?

(б) Какая связь может быть установлена между «серьезной философией», преподающейся с высоких кафедр, и популярными книжками по «прикладной личностной психологии», продающимися в торговых центрах?

В обоих случаях происходит процесс упрощения и «обмирщения» теоретических построений. С приходским священником, с одной стороны, и с руководствами по «практической психологии», с другой, великие метафизические построения «спускаются на землю», заимствуют понятный обыденный язык, перестают быть простыми теоретическими сообщениями, чтобы стать нормами практического поведения в повседневной жизни. Метафизика (светская или религиозная) таким проверенным веками способом превращается в этику и политику, изо дня в день обращающуюся к людям.

С марксизмом происходит нечто похожее. Философия практики переносит акцент с традиционной концепции материалистической диалектики (которая обычно занята устройством Вселенной, оставляя в стороне — из-за ошибочного их обозначения как «субъективизма» или даже «идеализма» — проблемы человеческой жизни, как если бы они были вторичными), «приземляет» ее, вытолкнув из среды внеисторической спекуляции, приводит ее в мир общественной жизни и исторической революционной практики угнетенных народов и борющихся эксплуатируемых классов. Философия практики некоторым образом совмещает «большую теорию» с практическими нормами повседневной жизни. Если придерживаться приведенной аналогии, таким был бы синтез наиболее рафинированной и абстрактной теологии Ватикана и норм практического поведения, которые приходской священник проповедует среди приходской молодежи периферийной страны.

Хотя марксистская философия практики также предполагает адаптацию мысли, одно из главных ее отличий от понятий катехизиса, которыми жонглирует приходской священник, или от книжек по «практической психологии», заключается в том, что

она не только ставит под вопрос популяризацию больших картин мира, совершаемую катехизисами и руководствами по «практической психологии». Марксистская философия практики имеет своей целью порвать с иерархическим разделением между философией для элиты и философией для масс, столь характерным для пары теология/катехизис, или между университетской метафизикой и «популярной психологией». Философия практики направляет дула против иерархий, которые отделяют «знающих» от «не знающих». Вместо того, чтобы укреплять эту асимметрию (столь характерную для официальной католической церкви или университетского мира), она стремится ликвидировать ее, социализируя знание и кончая с элитистским правлением «волхвов», иначе говоря, с отвратительной монополией на знание, которая сосредоточена в немногих руках и мозгах и предполагает разрыв между теорией и практикой, мозгом и рукой, душой и телом.

Другая важная разница заключается в том, что, в отличие от катехизиса или «практической психологии», марксистская философия практики стремится изменить основу мира в процессе терпеливой, активной и долгосрочной работы. Так она избегает набора мошеннических магических решений, дающих ложное обещание немедленного счастья: они типичны для «практической психологии и наделены характерной покорностью институтам (церковным и не только), где катехизис повседневности воспитывает детей и юношей.

LRB: Каковы здесь основные разногласия с другими марксистскими концепциями, например, с диаматом?

Н.К.: Марксистская философия практики ведет полемику и дискуссии не только внутри марксизма. Ее основные претензии направлены против апологетических взглядов на капитализм, то есть против правых течений. Это течение критической мысли подвергает сомнению и опровергает наиболее рафинированные университетские версии постмодернизма, постструктурализма, постмарксизма, позитивизма, наиболее примитивные варианты «практической психологии» или катехизиса.

Я считаю, что полемика против правых является главным полем теоретической борьбы марксистской философии практики. Однако эти дискуссии сказываются и на революционной теории, и в народной среде. Марксистская философия практики рождается именно в XIX веке, в спорах с просвещенческим материализмом, наследником Французской революции 1789 г., и с идеализмом германских философов, симпатизировавших буржуазной революции. Исторически это ее первые дискуссии. Также она полемизировала с метафизическими взглядами буржуазных экономистов (как научных экономистов, которые искали истину, хотя и не могли ее найти в силу своей классовой ограниченности, так и экономистов-шарлатанов, которых Маркс называл вульгарными, чуждыми науке и поиску истины). И в то же время он полемизировал с «самоуправленческим» и «кооперативным» социализмом, представители которого наивно верили в возможность построения социалистических островков в капиталистическом океане, автономных социалистических кооперативов, – без разрушения совокупности общественных отношений капиталистического производства. С другой стороны, он полемизировал с постепеновцами и реформистами, которые верили, что можно построить социализм на государственный бюджет и при поддержке правительств. Много дебатов, и все в одно и то же время! Так родился современный социализм и коммунизм, среди споров и схваток. С течением времени, на рубеже XX века, марксизм развернул немало других дискуссий с пестрым семейством позитивизма, с неокантианством, с различными версиями иррационализма, и т.д. А с утверждением сталинизма (около 1930 г.) марксистская философия практики полемизирует уже внутри марксизма с официальной версией философии, которую пытались выработать в Советском Союзе в сталинскую эпоху (течение, окрещенное его советскими зачинателями «диаматом» и излагавшее диалектический материализм). Только тогда марксистская философия практики обрушивается по всему фронту против эволюционизма, этапизма, экономизма и их философского фундамента – т.н. диамата. Но она не остановилась и на этом. Уверен, что сейчас, в 2012 году, главная теоретическая полемика марксистской философии практики

ведется не против диамата, в который уже почти никто не верит, и который достаточно скудно представлен среди левых организаций. Ныне главная задача заключается в полемике с политическими производными постмодернизма и постструктурализма (оба — исключительно европейского, преимущественно французского происхождения), которые в Аргентине обыкновенно принимают более симпатичное название и менее отталкивающую форму «автономизма». И здесь речь идет уже о борьбе не столько против правых, сколько внутри собственного лагеря.

LRB: Кто главные представители марксистской философии практики?

Н.К.: Список слишком большой. В первую очередь, понятно, основатели традиции — Маркс и Энгельс. После них — итальянец Антонио Лабриола[4], Ленин, Троцкий, Рубин и Луначарский в России, польская еврейка Роза Люксембург, Меринг в Германии, Лукач в Венгрии, Грамши в Италии, Мариатеги в Перу, Че Гевара для всей Латинской Америки, Санчес Васкес[5] в Мексике, Анри Лефевр во Франции, Карел Косик[6] и Йиндржих Зеленый[7] в Чехословакии, Лёви[8], Кондер[9] и Коутинью[10] в Бразилии — среди прочих многочисленных мыслителей (невозможно назвать их всех, как и все страны). Однако, если мы исходим из предположения, что эта концепция является не только теоретической, но также и практической, я бы рискнул включить в этот ни в коем разе не исчерпывающий список всех борцов революционного марксизма в Нашей Америке и в мире, безотносительно того, написали они или нет великие марксистские труды. Ведь хотя бы наш Марио Роберто Сантучо[11] — пусть он и не написал работы, сопоставимой с «Историей и классовым сознанием» Лукача или «Тюремными тетрадями» Грамши — по своей политической концепции и по ее реализации на практике разве не принадлежит к традиции революционного марксизма?

LRB: Как развивалась эта концепция в Латинской Америке?

Н.К.: Неравномерно и непрямо. Она развивалась посреди взрывоопасного континента, клейменого геноцидами, военными

диктатурами и многочисленными революциями — мексиканской, боливийской, кубинской и никарагуанской среди прочих, победоносных и провальных. Из всех наших революционных мыслителей, без сомнения, наиболее оригинальным был перуанец Мариатеги, а наряду с ним — молодой борец Хулио Антонио Мелья[12] на Кубе, сальвадорец Фарабундо Марти[13], аргентинский эрудит Анибаль Понсе[14] и великий организатор кордовской университетской реформы Деодоро Рока[15]. Годы спустя творческая концепция марксизма достигла зенита в делах, мысли и политической практике Че Гевары и целого течения, которое он вдохновил. Течения, которое не было похоронено в 60-х годах. Восстание продолжается и сейчас, в XXI веке, в Колумбии руками РВСК-АН[16] и в других странах, бросая вызов университетским догмам и модам, крупным медийным «аналитикам» и даже мнимым марксистам, которые в унылой, серой и посредственной манере цитируют обрывочные фразы Маркса… противопоставляя их народным восстаниям и современным герильям. Думаю, что эта концепция марксизма оказалась столь богатой и плодотворной, что породила различные оригинальные латиноамериканские находки, от марксистской теории зависимости Руя Мауру Марини[17] до теологии освобождения, включая в том числе педагогику угнетенных Паулу Фрейре[18].

LRB: С каких сочинений вы предлагаете начинать изучение этой концепции?

Н.К.: В первую очередь стоит прочитать «Каким должен быть молодой коммунист?» Че Гевары, потрясающий текст… «Социализм и человек на Кубе» и «Послание народам мира, отправленное на Конференцию трех континентов», тоже Че[19]. «Семь очерков истолкования перуанской действительности» Мариатеги[20], «Гуманизм буржуазный и гуманизм пролетарский» Понсе, «Власть буржуазная и власть пролетарская» Сантучо[21], Тетрадь № 11 из «Тюремных тетрадей» Грамши, «Тезисы о Фейербахе» Маркса, «Что делать?» Ленина, «Овеществление и сознание пролетариата» Лукача… Но я бы также порекомендовал прочесть Мариано Морено[22] и Симона Боливара, изучить историю Сан-Мартина,

Артигаса и Туссен-Лувертюра, добраться до романа «Превратности метода» Алехо Карпентьера, посмотреть и обсудить такие фильмы как «Кеймада», «Предатели» (Раймундо Глейзер, 1973) и многие другие.

LRB: Каковы задачи, которые мы, левые, должны поставить, чтобы возродить эту традицию и вдохнуть в нее жизнь?

Н.К.: У меня нет хрустального шара, и я не считаю себя пророком. У меня есть только мнения, и я не уверен, что они не являются ошибочными. Необходимо положить конец наивной вере в то, что люди, написавшие или прочитавшие книги из списка «обязательной литературы», ухватили истину и получили доступ к будущему. Это не так. Хватит с нас «волхвов». Я просто думаю и чувствую, что мы должны отвернуться от тех, кто старается убедить нас в том, что геваризм – это нечто «устаревшее» и «вышедшее из моды», что стратегия захвата власти – «авторитарная» и «оторванная от масс», что для того, чтобы защищать социальную борьбу и массовые движения, необходимо отказаться от создания организаций, которые выходят за пределы каждодневных требований. У нас нет безупречного рецепта (тот, кто говорит, что его имеет, просто врет), но мы знаем, что мы должны лучше присматриваться к Латинской Америке, как нас научил Мариатеги. И не только к институциональным экспериментам (Куба, Венесуэла, Эквадор, Боливия) или социальным движениям (движению безземельных в Бразилии[23], индейским общинам Чьяпаса и т.д.). Нужно смотреть на Нашу Америку, да, но при этом видеть всю картину… и не забывать, кроме того, что коммунистическая герилья в Колумбии ныне вынуждает янки разместить 7 новых военных баз, чтобы раздавить мечты о Великой Родине Симона Боливара и Сан-Мартина.

Нестор КОАН, август 2012 г.

Перевод Алексея Целунова, Владислава Федюшина и Никиты Белобородова под редакцией Дмитрия Пономаренко и Дмитрия Субботина. Filosofiýa